

Информация об авторах

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kurasl@yandex.ru.

Цыбенев Базар Догсонович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: bazar75@mail.ru.

Authors

Kuras Leonid Vladimirovich — Doctor of History, Professor, Senior Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, e-mail: kurasl@yandex.ru.

Tsybenov Bazar Dogsonovich — PhD in History, Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, e-mail: bazar75@mail.ru.

УДК 94(571.54)

А.М. ПЛЕХАНОВА

ББК 63.3(2)613-2

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ЧАСТНОГО ТОРГОВОГО КАПИТАЛА БУРЯТ-МОНГОЛИИ В УСЛОВИЯХ ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ НЭПОВСКОЙ СИСТЕМЫ

В статье анализируется процесс становления и развития частной торговли в Бурят-Монголии в период новой экономической политики: от легализации частного торгового капитала в условиях допуска рыночных отношений до его ликвидации при помощи экономических и административных мер к концу 1920-х гг.; доказан дуалистический характер нэпа.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР, новая экономическая политика, торговля, частный капитал.

А.М. PLEKHANOVA

THE RELATIONS BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE PRIVATE TRADE CAPITAL OF THE BURYAT-MONGOLIA IN THE CONDITIONS OF THE DUALISTIC SYSTEM OF NEW ECONOMIC POLICY

The author analyzes the process of the formation and development of private trade in Buryat-Mongolia during the period of new economic policy: from the legalization of private trade capital under the conditions of market relations admission till its liquidation by means of economic and

administrative measures by the end of the 1920s.; proves the dualistic nature of the new economic policy.

Keywords: Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic, new economic policy, trade, private capital.

В истории России периода новой экономической политики одной из главных является проблема взаимоотношений власти и частного капитала, под которым уместно понимать лица или организации, которые, как правило, используя наемный труд, занимаются производством товаров и услуг с целью получения прибыли, дохода (по терминологии тех лет — «наживы»).

Постановка этой темы не является новой и имеет в советской историографии свои традиции. В соответствии с ними до недавнего времени принято было считать, что к концу 1920-х гг. государство с помощью экономических мер воздействия, и частично административных, вытеснило частный капитал из экономики по причине того, что позитивные возможности его использования в условиях нэпа были исчерпаны [1, с. 11]. Нэпманы обвинялись в нежелании конструктивного сотрудничества, а политика властей выводилась из зоны критики. На наш взгляд, данное утверждение нуждается в пересмотре. И в современных условиях выработки новой концепции истории советского общества настойчиво делаются призывы к такому пересмотру [22, с. 49], ведется конкретная исследовательская работа в этом направлении [9, с. 155–165; 10; 14, с. 154–157].

В Бурят-Монголии в период осуществления нэпа наряду с золотодобычей (в 1925 г. из 72 разрабатываемых месторождений арендаторами 62 золотоносных участков являлись частные предприниматели [4, с. 39]), сферами наибольшего приложения капитала частников были торговля и сырьевые заготовки. Частнособственническая промышленность ограничивалась лишь рядом мелких предприятий, среди которых можно отметить мыловаренный завод братьев Ицкович в Верхнеудинске производительностью 3000 пудов мыла в год при 7 рабочих и конфектно-шоколадную фабрику братьев Молдовар производительностью 1500 пудов при 5 рабочих [7, л. 17 об.].

Период революционных потрясений в стране, в том числе и в Бурят-Монголии, хотя и нанес ощутимый удар по системе товарно-денежных отношений, но не смог прекратить товарные связи. Фактический материал свидетельствует, что через черный рынок шло не менее 50% продуктов. Отсюда нетрудно определить и тенденцию развития рынка — он «напрашивался» на легализацию.

В.И. Ленин, внося на X съезде РКП(б) предложение о переходе к новой экономической политике, признал, что «лозунг свободной торговли будет неизбежным», поскольку он «отвечает экономическим условиям существования мелкого товаропроизводителя». Однако документ, при-

нятый делегатами партийного съезда, был, скорее, выдержан в духе бартерного обмена: разрешался обмен оставшегося у крестьян после сдачи продналога продовольствия на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности, но только «в пределах местного хозяйственного оборота».

Товарообменные операции в стране, в том числе и в Бурят-Монголии, протекали неудовлетворительно, главным образом вследствие нехватки промышленных товаров. В отчете уполномоченного Бурят-Монгольского областного торгового бюро по Аларскому аймаку отмечалось, что «работа по товарообмену не была налажена, не было твердого аппарата, многие лавки были закрыты. Приходилось открывать лавки и пускать товар на обмен. Спекуляция развертывалась сильно, много ездит мешочников. Крестьяне охотно везут хлеб в обмен на товары, но товаров — большой недостаток» [17, с. 45].

К 1922 г. стало ясно полное фиаско прямого продуктообмена, который явочным порядком превратился в привычную для населения куплю-продажу. «С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная торговля», — откровенно признавал Ленин [13, с. 208]. Тем не менее, на известном рубеже организация товарообмена дала положительные результаты: легализовался частный торговый сектор, стала создаваться сеть государственной и кооперативной торговли.

Становление и развитие торговли в Бурятии протекало достаточно сложно, во-первых, в связи с тяжелым хозяйственным разорением края, голодом; во-вторых, в силу историко-географических особенностей региона, как-то: отсутствие развитой железнодорожной сети, обширность территории при малой заселенности, слабые коммуникативные связи в условиях разреженной дисперсной зоны, отдаленность отдельных районов от снабжающих баз и затруднительность сообщения с ними при отсутствии дорог. Кроме того, в связи с продолжавшейся до ноября 1922 г. интервенцией на Дальнем Востоке территория Бурятии входила в состав двух государственных образований: западные аймаки — в состав Бурят-Монгольской автономной области РСФСР, восточные — Бурят-Монгольской автономной области ДВР, где первоочередной для советской власти была военно-политическая задача освобождения края от интервентов и белогвардейцев. Тем не менее, рыночный характер нэпа в Бурят-Монгольских областях проявился наиболее ярко именно в активизации частного торгового капитала, успешному ходу операций которого способствовало его умение быстро находить пути к деревенскому покупателю. Организация торгового дела не требовала больших капиталовложений и позволяла достаточно быстро не только вернуть вложенные средства, но и получить прибыль. Кроме того, в этой сфере невелика была, особенно в начале нэпа, конкуренция со стороны госу-

дарственных и кооперативных. В результате к 1923 г., к моменту образования Бурят-Монгольской республики торговля в основном находилась в руках частных торговцев. Удельный вес частной торговли составлял 81,4% общего розничного товарооборота [20, с. 28].

К концу 1924 г. в Бурятии насчитывалось 1008 торговых заведений, из них 83 государственных, 133 кооперативных и 792 частных. Однако, несмотря на численное превосходство в торговой сети, удельный вес частной торговли в розничном товарообороте снизился до 42,9% [6, л. 218]. Если в 1922–1923 гг. доля участия частного капитала в торговом обороте Верхнеудинского рынка выражалась в размере 81,3%, а госторговли и кооперации — 18,7%, то в 1923–1924 гг. положение резко изменилось: частный капитал смог удержать в своих руках лишь 40,3% общего товарооборота, тогда как обороты обобщественного сектора возросли до 59,7% [8, л. 9]. Тем не менее, частный торговый капитал (слабый в дореволюционной экономической модели, еще более ослабленный в результате социальных потрясений начала XX в.) в первый год существования БМАССР играл доминирующую роль. Так торговля мясом на 80% была сосредоточена в руках частных торговцев, фуражом — на 90% [3, с. 203].

Интересно, что выпускаемые популярные брошюры вполне правильно разъясняли населению, почему «мы терпим этих частных торговцев, если у нас есть своя кооперация, своя государственная торговля». Товар, проходя через сложный путь кооперативных инстанций (Центросоюз, губсоюз, райсоюз, сельское потребительское общество), становился в 5, а то и в 7 раз дороже, что крестьянину было не по карману. Поэтому приходилось обращаться к частнику, которому «не нужны были конторы и служащие... В кооперативе или нет товаров, или дорого. А у частника все есть, и купить можно было сравнительно дешево...» [12, с. 3]. Помимо этого частник по опыту и умению реагировать на конъюнктуру рынка намного превосходил государственных и кооперативных служащих, которым еще надо было учиться торговать.

По мере увеличения товарооборота стала чувствоваться необходимость создания регулирующего органа, концентрирующего в себе спрос и предложение. В результате 27 октября 1923 г. в республике была учреждена Товарная биржа. Частные торговцы вначале относились к бирже недоверчиво, но постепенно они начали втягиваться в биржевые торги. На 1 октября 1924 г. участниками биржи были 17 государственных организаций, 6 кооперативных и 14 частных [3, с. 201].

Важной формой общественной самодеятельности в 1920-е гг. были ярмарки, поддерживающие меновые связи между отдельными экономическими районами. Через ярмарки и базары проходила значительная часть торгового оборота. Так, оборот наиболее крупной Верхнеудинской ярмарки в 1924 г. составлял 950 370 р., в 1925 г. — 1 349 274 р. [4, с. 77].

Среди участников ярмарок были частные торговцы, кооперативы, гос-торговые организации. Внешне конкуренция между ними отсутствовала, но фактически преимущества в доходах были у частника, его накладные расходы были доведены до минимума. Умело ориентируясь в рыночной конъюнктуре, частники не имели серьезных конкурентов в лице госорганов и кооперации. Помимо этого, цены на товары у частных торговцев были намного ниже, чем в кооперативах. Так, если в кооперативе аршин русского ситца стоил 55 к., то у частника аршин далембы, по прочности превосходящей ситец, стоил 32 к. [3, с. 355].

В период нэпа частные торговцы играли активную роль на заготовительном рынке республики, создавая серьезную конкуренцию государственным и кооперативным организациям, и вызывая, тем самым, рост закупочных цен. Большевистское руководство попыталось остановить рост цен на сырье с помощью введения уже весной 1924 г. обязательного для государственных и кооперативных организаций максимально предельного уровня — лимита. Однако в условиях, когда как заготовители, так и производители исходили в своей деятельности из коммерческой целесообразности, навязываемые сверху лимиты не соблюдались. Закупочные цены формировались преимущественно в зависимости от соотношения спроса и предложения, складывающегося на рынке. Тогда власть еще более усилила директивное регулирование процессом заготовок сельскохозяйственной продукции. Для преодоления «вредной конкуренции, ажиотажа, бессистемности, бесплановости на заготовительном рынке» СНК Бурреспублики постановлением от 10 октября 1924 г. признал основными заготовителями только государственные и кооперативные организации [16, с. 10–11]. Заготовители взяли на себя обязательство осуществлять заготовки только через свои отделения, агентуры и уполномоченных. Заготовка продукции через частных посредников и от частных скупщиков категорически запрещалась. Оставшиеся на рынке заготовители по указанию Бурвнуптторга заключили между собой конвенцию о соблюдении предельного уровня закупочных цен. Связанные конвенцией государственные и кооперативные заготовители не смогли конкурировать с частными фирмами и торговцами, которые, не имея ценовых ограничений, предлагали производителям более высокую закупочную цену, что позволяло им снимать до 50% всего рыночного предложения сырья. Условия закупки у частных заготовителей были более заманчивые еще и потому, что они давали до 80% деньгами и 20% товарами, тогда как кооперативные и государственные организации, наоборот, только 20% деньгами. На ненормальность данного положения указывалось в многочисленных отчетах. Например, в докладе «Об итогах заготовительной кампании в сезон 1923–1924 гг.» отмечено, что «...в условиях Бурреспублики при близости монгольской границы лимитные цены связывали основных заготовителей и давали полную возможность частнику, незначительно

повышая цену, снимать с рынка нужную для него продукцию, не боясь конкуренции со стороны плановых организаций» [18, л. 243].

Подобная ситуация была признана соответствующими государственными органами недопустимой, в результате чего был предпринят ряд жестких административных мер борьбы с частным капиталом. Так, если удельный вес кредитования частных лиц и учреждений в декабре 1923 г. составлял 24%, то в сентябре 1924 г. — всего 1,9% [3, с. 218]. С 1927 г. Госбанк совершенно прекратил кредитование частной клиентуры. Значительно был усилен налоговый пресс на частных предпринимателей. В 1926 г. ставки налога в отношении владельцев и совладельцев торговых предприятий были повышены с доведением прогрессии до 45%, в то время как государственные и кооперативные организации должны были выплачивать 8% [4, с. 47]. В совокупности с повышением размеров местных сборов данная налоговая практика привела к тому, что в 1928/29 гг. процент налогового изъятия с частнокапиталистических торговых предприятий составил 95% от суммы всего чистого дохода [2, с. 92]. И даже пеня за несвоевременную выплату налогов с государственных и кооперативных предприятий вычислялась в размере 0,1%, а с частных предприятий и лиц — 1,3%. Подобный налоговый пресс вызвал ответную реакцию частных предпринимателей, выразившуюся, прежде всего, в активном уклонении от налоговых выплат путем сокрытия оборотов предприятий, в росте недоимок налоговых поступлений по частному сектору. Так, в 1925/26 гг. за уклонение от регистрации плательщиков подоходного налога было подвергнуто штрафу 1078 чел., жалоб и возражений на неправильное исчисление налога было подано от 507 частных предприятий и лиц [21, с. 8].

Началом окончательной ликвидации частного капитала стали трудности в проведении хлебозаготовок 1927/28 гг. Местным органам власти предписывалось в обязательном порядке привлекать к уголовной ответственности по статье 107 Уголовного кодекса за спекуляцию продуктами сельского хозяйства. При этом поводом к аресту и конфискации имущества могли служить не только скупка хлеба и других дефицитных товаров в пределах, превышающих потребности индивидуального хозяйства, но и даже факт наличия в магазине большого количества товаров. В результате, неуклонно стало сокращаться количество частных торговых точек: с 1004 в 1925–1926 гг. до 232 в 1927–1928 гг., причем действующих в основном в отдаленных сельских местностях [19, л. 336].

Сравнительно незначительной оказалась роль частного на рынке Бурятии к концу нэпа. Если удельный вес частной торговли в розничном товарообороте страны в 1925 г. составлял 42%, а в 1928 г. — 20% [9, с. 164], то в Бурятии соответственно 17,4 и 8,4%. К 1929 г. в Бурятии не было ни одного крупного частного магазина, удельный вес частной торговли в товарообороте республики составлял 5,8% [15, с. 49].

Таким образом, если в большинстве регионов страны наиболее благоприятным периодом деятельности частного капитала в торговле были 1924–1926 гг. (до этих лет частник «набирал силы», после — шло «затухание» его активности), то в Бурятии наибольшая активность частных торговцев была заметна до 1924 г. На протяжении 1924–1926 гг. частный капитал значительно уступил свои позиции государственной и кооперативной торговле, хотя продолжался его абсолютный рост как по количеству торговых предприятий, так и по объему товарооборота. Следовательно, Бурятия к концу 1920-х гг. была районом, где позиции частного капитала в торговле были подорваны значительно сильнее.

Анализ причин резкого сокращения частного предпринимательства показывает, что уже с 1924 г. начинается переход от экономических методов государственного регулирования частной торговли к ее вытеснению и ликвидации к концу 1920-х гг. административными мерами. Данное обстоятельство не только деформировало рыночный процесс, но и вело к разрушению хрупкой системы хозяйственных связей, к ухудшению качества жизни населения. В 1920-е гг. рынок Бурятии испытывал систематическое недоснабжение по целому ряду товаров. В 1925–1926 гг. потребности населения в хлопчатобумажных тканях были удовлетворены на 75%, в металлоизделиях — на 60%, в чае — на 40% [4, с. 76], в 1927–1928 гг. — 50; 62,1; 39,5% соответственно [19, л. 337].

Таким образом, в период осуществления новой экономической политики государственное регулирование торговой деятельности превратилось в прямое управление ею. Регулирующие функции государства легко сменялись административными, вызывавшими негативные последствия в торговой сфере. Это позволяет сделать вывод о том, что нэп — не в чистом виде рыночная система, а дуалистическая — административно-рыночная система. Анализ опыта нэпа выявляет прецедент грубого отношения власти к частному капиталу, период легальной деятельности которого оказался чрезвычайно кратковременным. Институциональная незащищенность частных торговцев не позволила раскрыться предпринимательскому потенциалу республики. К концу 1920-х гг. под давлением административных мер (недостаток оборотных средств, высокие налоги, социальная дискриминация, проблемы со снабжением) частный торговый бизнес был практически ликвидирован.

Жесткий контроль всех составляющих рыночного процесса (опт, розница, ценообразование, кредитование, налогообложение), преференции государственно-кооперативному и ущемление частного секторов — факторы, не только разрушившие хрупкую систему хозяйственных связей, но лишившие страну выбора наиболее эффективного способа экономического развития. Опыт нэпа доказывает, что степень и пределы вмешательства государства в экономику должны определяться

и корректироваться собственно рыночным процессом, все участники которого должны выступать равноправными партнерами.

Список использованной литературы и источников

1. Архипов В. А. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 1920-е — начало 1930-х гг. / В. А. Архипов, Л. Ф. Морозов. — М. : Мысль, 1978.
2. Бурят-Монгольская АССР за десять лет. — М. ; Иркутск, 1933.
3. Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1923–1924. — Верхнеудинск, 1925.
4. Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1925–1926. — Верхнеудинск, 1927.
5. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 475. Оп. 1.
6. ГАРБ. Ф. 753. Оп. 1. Д. 341.
7. ГАРБ. Ф. 753. Оп. 1. Д. 96.
8. ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448.
9. Грик Н. А. К вопросу о роли насилия в становлении советской торговой политики (1921–1933 гг.) / Н. А. Грик // Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX — I трети XX вв. — Томск : Томский ун-т, 1994.
10. Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации / Е. В. Демчик. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. — 239 с.
11. Дудукалов В. И. Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства (1921–1928) / В. И. Дудукалов. — Томск, 1978.
12. Евсеев Я. Как мы учимся торговать / Я. Евсеев. — М. ; Л., 1925.
13. Ленин В. И. Доклад о новой экономической политике / В. И. Ленин. — Полн. собр. соч. — Т. 44.
14. Литвина В. И. Частное предпринимательство в Восточной Сибири на исходе НЭПа / В. И. Литвина, В. Т. Агалаков // Россия нэповская: политика, экономика, культура. — Новосибирск, 1991.
15. Отчет правительства Бурят-Монгольской АССР. 1928–1930 гг. — Верхнеудинск, 1930.
16. Постановление СНК БМАССР № 121 «О сырьевых, мясных и хлебозаготовительных операциях в Буреспублике» // Бюллетень ЦИК и СНК БМАССР. — 1924. — 10 окт. — № 22.
17. Потапов М. Ф. Иркутские большевики в борьбе за восстановление хозяйства (1921–1925 гг.) / М. Ф. Потапов. — Иркутск, 1949.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 583.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 562.
20. Социалистическое строительство в Бурятии за 10 лет. — Верхнеудинск, 1933.
21. Финансовое положение Буреспублики (годовой отчет БНКФ за 1925–1926 гг.). — Верхнеудинск, 1926.
22. Чимитова Д. К. Национальные районы Сибири 1920–1930-х гг. в отечественной историографии: экономика и культура / Д. К. Чимитова. — Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т, 2005.

Информация об авторе

Плеханова Анна Максимовна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведа-ния, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: plehanova.am@mail.ru.

Author

Plekhanova Anna Maksimovna — Doctor of History, Scientific Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, e-mail: plehanova.am@mail.ru.

УДК 94(57)

ББК 63.3(2Рос)

А.В. ШАЛАК

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1940–1950 гг.)

Исследуется социальное положение руководящих кадров в распределительной системе в 1940-е гг., источники накопления ими социальных благ и привилегий.

Ключевые слова: распределительная система, руководящие кадры, снабжение, социальные различия.

A. V. SHALAK

SOCIAL POSITION OF THE MANAGERIAL PERSONNEL IN EASTERN SIBERIA (1940–1950s)

The author researches positions of the managerial personnel under conditions of the distributive system in 1940s, their sources of social benefits and privilege accumulation.

Keywords: distributive system, managerial personnel, provision system, social differences.

Социальная и политическая стабильность общества определяется не только интеграцией людей на основе общей системы ценностей и цели (идеологическими факторами). Огромное значение имеет достижение социальной однородности, что отнюдь не сводится к социальному равенству. Характер труда, профессия, производительность труда, условия труда и множество других факторов влияют на социальную дифференциацию общества, как в целом, так и внутри отдельных социальных групп. Параметры дифференциации в исследуемый период задавались политическим руководством страны, однако множество побочных причин и явлений в пределах конкретных структур достаточно